

ПРАВИЛА ДОМА

- Никогда не закрывайте полностью дверь в помещение, в котором находитесь, дабы не рисковать более не выйти оттуда.
- Никогда не пытайтесь покинуть дом через окно или вернуться этим путём.
- Управляющая ответит на ваши вопросы в Красной гостиной.
- Покой гостя, пребывающего в библиотеке, не может потревожить никто, кроме управляющей.
- Никогда не пытайтесь присвоить то в доме, на что у вас нет прав. Попросите.
- Выбирайте тщательно.
- Не кричите.
- Будьте сдержанны в ожиданиях.

Она никогда не чувствовала бога так близко.

Яра несётся вперёд со всех ног. Локти работают двумя поршнями у корпуса. Плечи расслаблены, и на каждом шаге она выводит их вверх и по диагонали, чтобы не гасить импульс от ступней. Все вокруг либо умерли, либо идут к тому, но покрытие хорошее, ровное, и погода тоже хороша, и Яра сыта, и с ней Майтрейя.

Она постепенно тормозит. Передохнуть, потом ещё пару раз на ускорение.

Все либо умерли, либо ещё хуже, а она терпеть не может гречку. Реально не переносит гречку. Но это ничего, нормально, потому что и с тем и с другим вполне можно свыкнуться.

Когда-то, в очень-очень прежней жизни, Яра бывала в других городах. Не то чтобы много бывала, и не то чтобы места были какие-то запредельно исключительные. Ну, там, в Европе. Итальянские Альпы. Всякие церкви красивые. В них, пожалуй, даже был бог. Собственно, везде был бог — наверное, уж какой-то да был, хоть остаточный, в следовом коли-

честве. Уж сколько сохранилось после рождения интернета. Но тогда Яра о нём не думала; она и сейчас о нём не думает — и это прекрасно: это значит, что её нервы крепки, как стальные тросы, как титановые стержни, как олимпийские брусья. Это значит, что она по-прежнему мыслит трезво и адекватно, способна принимать разумные решения и предпринимать эффективные действия, направленные на то, чтобы прожить ещё один день, а потом и ещё.

Небо полно солнца и красивое, чистое. Да и воздух заметно очистился за последние месяцы. Часы на руке пищат, и Яра сбрасывает счёт. Обожает их. Они не умные — они просто часы. В их планах на жизнь и работу исчезновение сопряжённого устройства, связи со спутником, вайфая и человечества не меняет ровным счётом ничего. Водонепроницаемые и пылезащитные: Яра всегда любила всё именно такое — износостойкое. Одежду и обувь. Утварь. Людей — умозрительно, потому что износостойкие люди и раньше-то на дороге не валялись, а теперь...

Ну, без людей, в принципе, тоже нормально.

Эйфория бегуна поднимает её над землёй и несёт. Потоки насыщенной кислородом крови омывают кору больших полушарий, и все участки последней вспыхивают активностью в ответ. Яра ощущает что-то очень близкое к опьянению или к счастью. Да, сейчас. В этом месте. Её лицо будто бы овеивает благодать — здесь, в точке угасания функции очередной мёртвой цивилизации, которая не принесла этому миру ничего, кроме эфемерного величия виртуальных идей.

Бог как виртуальная идея тоже износостоек. Только эта идея не для нынешних времён. А всё-таки для чуточку более нормальных обстоятельств — ну там, для атомной войны.

Так что Яра не думает о нём. Но она его чувствует.

* * *

Двести восемьдесят пять дней назад

Михаил дотянулся до чашки, оторвал от стола и поставил обратно, сразу вспомнив, что в чашке пусто. Заодно он вспомнил, что делает это уже в третий или в четвёртый раз. Ему давно уже хочется чаю. Но не хочется отрываться.

Хотя, наверное, всё же стоит. Он смотрит в монитор почти непрерывно уже около двадцати часов. Но иначе-то как. Раз дело пошло.

Неделю назад Михаил зашёл в тупик с графом и никак не мог из этого тупика выбраться. Над горизонтом уже взошла перспектива перелопачивать всю архитектуру проекта, но вчера (позавчера?) он, наконец, пробился. И теперь уже дело за малым. Теперь совсем немного осталось.

Надо всё-таки чаю.

Михаил, встав, переждал, пока по затёкшим ногам разбегутся острые мурашки. Забрал чашку и, потягиваясь, уковылял на кухню. Какой-то не очень обжитой вид у этой кухни. Но, по крайней мере, прибрано. С тех пор как они разошлись с женой, он жил один и не встречался больше ни с кем — в смысле, с женщинами не встречался. Хотя и не только с ними, а и вообще особо ни с кем; но порядок

иногда наводил. В беспорядке думается хуже, он давно заметил.

Хлопнув по кнопке чайника, Михаил, мысленно не вылезая из проекта, открыл шкафчик, вытащил чайную жестянку. Постоял, посмотрел немного на шкафчик. Посмотрел в чашку. Взял щепоть заварки, уложил в щипчики, примял. Да нет, он нормальный на самом деле — просто увлечённый. Очень радуется, когда вот так прорываешься сквозь затык.

Михаил писал игру уже, кажется, два года. В одиночестве. Одиноким разработчик — это почти всегда история тьмы и безумия; но сейчас он уже очень близко. Он почти доделал — и нет, не как полгода назад, а правда почти доделал. Он начал игру, когда они развелись.

Хотя нет. Михаил понял, что не залил заварку кипятком, а только подумал об этом, и взялся за чайник. Игру он начал незадолго до того, как они развелись. За сколько-то месяцев. Он уже тогда мало выходил из дома. В голове были всякие мысли. Он читал много новостей в сети. Утром, сразу после того, как просыпался, и потом каждые полтора-два часа. Позже он практически перестал бывать снаружи, заказывал доставку. Смотрел новости, иногда сериалы. Иногда ему мерещилось, что он, возможно, несчастлив, но не часто. Проект занимал много времени, много внимания.

Ещё иногда ему мерещилось, что они вовсе не развелись, потому что, когда они жили вдвоём, время проходило примерно так же. Тогда он тоже ходил, тоже смотрел много новостей. Сейчас, сидя перед монитором, он с равным успехом мог быть

женатым и разведённым. Как человек, который не заметил под наркозом, что ему ампутировали конечность.

Михаил слабо улыбнулся, подумав сперва про фантомную боль, а потом сразу же — «фантомная жена». Смешная аналогия. Сейчас вокруг много фантомного. Можно представить, что у них всё было, а потом это ампутировали — какие-то продукты, последние модели товаров, какие-то события. В мире. Новости, путешествия. Спортивные сенсации. Фантомные предметы и явления, ведь в реальности большинства людей этого нет. Но оно, тем не менее, есть. Вот прямо сейчас, у него на ладони. В ленте.

А однажды ему померещилась совсем странная вещь. К тому моменту он сидел в проекте почти трое суток. Было тяжело. Время от времени он засыпал часа на полтора, потом всё затекало, и его будила боль, и он шёл на кухню за кофе и энергетиком и кодил дальше. Вот тогда он в какой-то момент завяз, застыл, уставившись в разноцветные строчки в черноте, и увидел свой код *иначе*. И подумал — мимоходом, скорее предположил, чем подумал, — *как он может работать. Как ещё он может работать*. Странная мысль. Игрушка была про маленького зверька, который беспрерывно движется слева направо, прыгает и собирает бонусы, — простенький платформер, ничего зловещего. А Михаил вдруг подумал: ведь мозг меняется в зависимости от того, чем занят. Органически меняется. Любая психическая деятельность — любое воспринимаемое — модифицирует мозг. Модифицирует мозг!

Когда-то, ещё до новостей, Михаил смотрел ролики Черниговской, и сейчас ему вдруг на минуточку пришло в голову: что, если бы какая-то игра, пусть даже тупой платформер, была способна внести изменения в органику — в мозговые клетки, — но не тихонькие, незаметные коррективы, а радикальные? Разом? Перестроить сеть нейронных связей игроков, закрепить новые паттерны. Изменить поведение, следовательно.

Целенаправленно такое пока не сделать, подумал тогда он, хотя военные, разведка, они наверняка экспериментируют. Мы пока слишком мало знаем о мозге. Но что, если случайно? Ведь психика автора игры — да и не обязательно игры, конечно, это может быть любое приложение — сама по себе в каком-то смысле подготовлена; она ведь в любом случае уже наполнена неким содержимым, верно? Вот он читает новости, например. И они сказываются на его ментальном состоянии. Если он (человек, мозг человека) достаточно много мониторит среду — информационную среду, разумеется, мы говорим про интернет, — тогда она, среда, модифицирует нейронные связи, ведь так? Пусть и при активном участии самого мозга (с этим Михаил спорить не будет, не сложит с себя ответственность: это же он выбирает, какие ленты читать). Мозг автора постепенно становится отражением внешнего — отфильтрованным отражением, одной из проекций. Впоследствии мозг создаст продукт, который, в свою очередь, поменяет нейронные связи пользователей, — логично, что эти изменения будут не абы какими, что у них будет какой-то, неосознанно заданный разработчиком, вектор?

Михаил опустил глаза в чашку. Из плена щипчиков вырвалось несколько чайнок. Теперь их придётся отплёвывать. Интересно: если бы он по случайности написал такую игру, которая перепрошивала бы мозги игрокам, что именно она делала бы?

Михаил возит щипчиками в чашке, машинально тянется за смартфоном, обновляет ленту. Пока у него перерыв. Он может посмотреть новости.

Свою игру Михаил доделает и зарелизит через девяносто дней.

* * *

Двести восемьдесят пять дней спустя

В сочном свете заходящего солнца Яра делает последнее ускорение на сегодня. Есть подозрение, что потом она решит сделать ещё одно последнее. Возможно, затем и третье последнее, но это её дело.

Если уметь, то бежать можно очень тихо, почти бесшумно. И к тому же она достаточно высоко — достаточно близко к богу. Рассчитывая на совокупную защиту этих двух факторов, она выходит на длинную прямую, подходящую для разгона.

Лицо мокрое. Одежда мокрая. Сегодня у неё неплохие шансы побить свой собственный рекорд. Яра взрывается.

Она пролетает половину дистанции взрыва. Перед самым началом торможения опускает стопу на ребро, неловко, — просто от утомления, нормальная история, — и, чтобы избежать вывиха, быстро переносит вес на другую сторону.

Продолжая по инерции нестись вперёд, Яра заваливается набок, грохая о покрытие сперва подвздошной костью, а затем рёбрами, после чего её чуть-чуть разворачивает. Потом она лежит неподвижно несколько секунд.

Руку она не вытянула, а, наоборот, подобрала поближе, так что ничего не сломано. Ура. Правда, выставь она ладонь, Яра не проехала бы щекой по покрытию — а так, к сожалению, именно что проехала. Она осторожненько приподнимается, опираясь на локоть, облизывает пальцы и трогает ими скулу. Не, нормально. Кровит слегка. Не хлещет.

Залитая потом, Яра подтягивает ноги — бок ноет, но как же иначе. Перекачивается, усаживаясь на пятую точку, опускает предплечья на согнутые колени. Ждёт, пока выровняется дыхание. И улыбается.

Она почти счастлива.